

Михаил Александров

**[КОЛЕРОВ М.А. СТАЛИН: ОТ ФИХТЕ К БЕРИЯ.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКА СТАЛИНСКОГО
КОММУНИЗМА. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2017. —
640 С. (SELECTA. XXIV)]**

АННОТАЦИЯ

В рецензии рассматриваются сильные и слабые стороны новой книги российского историка, издателя Модеста Колерова, посвященной эволюции идеологии российского большевизма от интернационального марксизма до национально-государственного социализма, поиску ее интеллектуальных истоков. Автор рецензии показывает, что концепция изолированного развития национальной экономики в СССР, которую М.А. Колеров связывает с трудами Ф. Листа, в действительности основывалась на идеях русских экономистов-народников, которые опирались на исторический опыт России — и пришли к своим выводам независимо от этого выдающегося немецкого мыслителя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сталин; сталинизм; интернационализм; национализм; социализм в одной стране; ленинизм; марксизм; идеология; протекционизм; коммунизм; СССР; РСДРП; ВКП(б); КПСС; большевизм; народники; социалистическая революция.

КНИГА Модеста Алексеевича Колерова исследует вопрос о причинах эволюции идеологии российской коммунистической партии большевиков от интернационализма к национализму. Автор прямо говорит о «*национализации коммунизма СССР*», не отождествляя этот процесс с этническим русским национализмом, но проводя параллели с «*национально-освободительным и патриотическим мифом Германии*» (с. 36).

Как таковая, работа М.А. Колерова является по-своему новым словом в исследовании сталинизма (при том понимании, что основана на ранее вышедших¹ авторских статьях). Во-первых, потому, что автор видит корни

сталинизма (как и других тоталитарных идеологий XX в.) не столько в российской революционной традиции и марксизме, сколько в целом в западной философии, политике и социальной практике. «Сталинский ли все они описывали «тоталитаризм»? — спрашивает он, обращаясь к западным исследователям. — Только ли сталинский? И если да, то что нового он привнес в человеческую практику, чтобы заслужить себе, кроме национально-исторического, это особенное имя, что изобрел он такого, что не изобрела бы европейская современность (*modernity*) Нового времени?» (с. 440).

Во-вторых, потому, что автор пытается доказать, что идеология большевизма была запрограммирована на движение к национальному государству, что якобы нашло отражение в сталинском тезисе «о построении социализма в одной стране». Здесь следует особо отметить, что многие исследователи сталинизма, хотя и выводили теорию построения социализма в одной стране из марксизма-ленинизма, никогда не шли так далеко, чтобы отождествлять большевизм с построением национального государства. И в этой области М.А. Колеров выступает как первопроходец.

В том, что касается связи идеологии российских большевиков с мировоззрением западной цивилизации, с автором можно в целом согласиться. Этот тезис не вызывает особых возражений, поскольку сам марксизм как политическая доктрина не мог основываться ни на чем другом, кроме мировоззренческой системы и политической практики западной цивилизации. И Колеров обстоятельно и убедительно показывает это, анализируя внушительный объем источников и литературы, полемизируя с западными исследователями.

Однако автор на этом не останавливается, он идет дальше, распространяя западную парадигму на сталинскую доктрину, и без обиняков заявляет: «Сталин — родная и естественная часть западного Модерна, его продолжение. Нет ни одного инструмента сталинской власти, который не был выработан еще до Сталина колониальным, империалистическим, технократическим и социалистическим Западом» (с. 7). И вот здесь возникает целый ряд дискуссионных моментов.

Анализируя данную тему, М.А. Колеров вынужден вновь возвращаться ко все тем же принципиальным вопросам, которые уже много раз ставились российскими (советскими) и западными историками и на которые до сих пор не получено однозначных ответов:

1. Был ли ленинизм закономерным продолжением марксизма или являлся отступлением от этой родившейся на Западе идеологии;
2. Был ли сталинизм закономерным продолжением ленинизма или являлся принципиально иной идеологией;
3. Насколько идеология «советского коммунизма» и ее артикуляция вождями СССР соответствовала реальной практике советского государства.

Эти вопросы возникли не сегодня, не в XXI веке, а сотню лет назад еще в то время, когда лидер партии большевиков В.И. Ленин полемизировал с западными социал-демократами типа К. Каутского и Э. Бернштейна,

и чуть позже, когда Сталин «громил внутрипартийную оппозицию» во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, обвинившими его в отходе от ленинизма. Но то была политика со свойственной ей ангажированностью и страстным желанием победить своего оппонента. И хотя историческая наука тоже не чужда политизации и конъюнктуре, но степень противоборства в ней намного уступает реалиям текущей политической борьбы. А это позволяет более отстраненно и объективно взглянуть на проблему.

В то же время, совершенно очевидно, что те идеологические подходы, которые родились в ходе отчаянной полемики периода политической борьбы, затем постепенно перекочевали в сферу исторических исследований. Как следствие, в исторической науке к настоящему времени сложилось несколько школ мысли в отношении сталинизма, которые можно условно классифицировать следующим образом: *советская официальная, троцкистская, антикоммунистическая и традиционалистская*².

Существо подхода, отстаиваемого советской официальной школой, сводится к тому, что Сталин действовал — в общем и целом — в соответствии с марксистско-ленинской доктриной, которая должна рассматриваться как единое целое. При этом у Сталина были отдельные «отступления» от марксизма-ленинизма, серьезные «ошибки». К последним относят обычно нарушение принципа коллективного руководства, культ личности, репрессии против коммунистов. Этому, естественно, дается однозначно негативная оценка. Причем то, что рассматривается как политические просчеты Сталина, объясняется, главным образом, «отступлениями» от марксизма-ленинизма, в то время как достижения и успехи приписываются следованию марксистско-ленинской доктрине.

Троцкистская школа придерживается несколько иной точки зрения. Она считает, что так называемые «ошибки» Сталина не были поверхностным явлением, «отступлением» от марксизма-ленинизма, а представляли собой принципиальное изменение политического курса, «ревизию» марксизма-ленинизма, «термидор», «бюрократический переворот». При этом такое перерождение марксистско-ленинской доктрины рассматривается однозначно негативно. Подспудно проводится мысль, что не будь этого изменения в политике, окажись во главе партии и государства «чистые» марксисты-ленинцы, вроде Троцкого, Зиновьева или Каменева, то негативных явлений удалось бы избежать, а развитие СССР, да и всей мировой цивилизации пошло бы по более благоприятному варианту.

Основные посыпки антикоммунистической школы состоят в том, что Сталин досконально проводил в жизнь марксистско-ленинскую (коммунистическую) доктрину, а его так называемые «ошибки» — вовсе не ошибки, а закономерный результат «антигуманной» природы самой доктрины. К последователям этой школы среди западных авторов можно отнести Дж. Мерфи, Ф. Рэндалла, Дж. Льюиса и Ф. Уайтхеада, А. де Жонга, Р. Конквеста³.

Традиционалистская школа строит свою методологию на принципе исторических параллелей. Она рассматривает личность Сталина в общем

потоке русской истории. По мнению этой школы, Сталин действовал как традиционный лидер российского государства, но поскольку он был ограничен официально закрепленной в стране идеологией, то был вынужден использовать положения коммунистической доктрины, или, говоря словами М.А. Колерова, «язык советского коммунизма» для обоснования своих действий. Причем очень часто ему приходилось «подправлять» большевистскую идеологию в угоду политической целесообразности. Но обосновывать эти корректировки он должен был опять-таки в рамках самой коммунистической доктрины.

Если рассматривать труд Колерова в контексте этой классификации, то он вполне укладывается в русло антикоммунистической школы. Однако автор идет дальше последователей этой школы. Он перекидывает мяч на их поле, показывая ответственность Запада за политику и практику сталинизма. Но такая оценка, на наш взгляд, имеет смысл только в том случае, если интерпретировать сталинизм как высшую форму развития большевизма, в которой реализовались его худшие черты. Сам же автор не раскрывает свою позицию относительно того, что он считает более предпочтительным для страны — период правления Ленина, когда реализовывался «чистый большевизм», или правление Сталина.

А если на секунду предположить, что сталинизм был «улучшением» большевизма (марксизма-ленинизма), его коррекцией в правильную сторону, от утопии к реализму? И такая точка зрения в российской исторической науке уже существует⁴. Тогда получается, что западное влияние фактически способствовало улучшению ситуации внутри СССР. Но так ли было на самом деле?

Существование нескольких школ мысли в оценке личности Сталина говорит о том, что в мировом научном сообществе по данному вопросу имеются серьезные разногласия. Причем разногласия эти основываются на солидных исследованиях, тысячах использованных источников, томах написанной литературы. В этом контексте попытка М.А. Колерова вывести теорию построения социализма в одной стране из большевизма, а тем более из западного мировоззрения представляется недостаточно убедительной. Надо честно сказать, доказательная база в этом вопросе выглядит довольно слабой и методологически сомнительной.

Так, пытаясь доказать зарождение теории построения социализма в одной стране в руководстве РСДРП(б) еще до Октябрьской революции 1917 г., автор прибегает к странному приему. Он ссылается на «широкий социалистический консенсус» в России по этому вопросу. При этом справедливо отмечает, что «задача суверенного социализма не была новым или монопольным изобретением, или вынужденным открытием руководства большевиков», и, в частности, ссылается на позицию известного экономиста А.В. Чаянова, не являвшегося членом партии большевиков (с. 113).

Но на самом деле никакого консенсуса не было. Концепция русского социализма была сформулирована русскими народниками еще в середине XIX в., а затем перекочевала в программу партии эсеров. Точно так же

концепция изолированного развития национальной экономики в СССР, которую М.А. Колеров связывает с трудами Фридриха Листа (с. 258-260), в действительности основывалась на идеях русских экономистов-народников, которые опирались на исторический опыт России — и пришли к своим выводам независимо от этого выдающегося немецкого мыслителя. Концентрированное выражение этих экономических народнических взглядов можно найти в трудах В.П. Воронцова⁵.

Рассматривая проблемы капиталистического развития России, Воронцов усматривал его отличие от западного. По его мнению, русский капитализм, не имея возможности опереться на захваченные иностранные рынки, был не в состоянии положительно воздействовать на «организацию производства» и совершенствование сельского хозяйства в «желательном направлении». В этих условиях правительству, полагал Воронцов, нужно не поддерживать капитализм, а контролировать производство, постепенно проводить обобществление труда, сосредоточив развитие мелкой промышленности в руках артелей.

Воронцов был убежден в естественности происхождения и развития русской общины, видя в ней основу справедливого общественного устройства, обладающую исторической перспективой, но при обязательной поддержке сверху. Распространенность общинного землевладения, сохранение прочной связи крестьянина с землей и развитие мелкого кустарного производства он считал главными причинами русского своеобразия⁶. А крупное товарное производство Воронцов предлагал развивать под эгидой государства, отмечая, что «наша крупная промышленность явилась на свет божий по желанию правительства, и некоторые его отрасли наполовину оставались в его прямом заведовании, другие оно поддерживало пособиями и заказами»⁷. Никакой связи с Ф. Листом в этой концепции не просматривается.

Не случайно сталинский проект социализма в одной стране был тепло встречен находящимися в послереволюционной эмиграции российскими социалистами-революционерами, как правыми, так и левыми. Лидер партии эсеров В.М. Чернов писал по этому поводу о «коммунистическом народничестве» Сталина и Бухарина. По мнению Л.Д. Троцкого, «социалисты-революционеры поддерживают эту теорию, потому что видят в ней отказ от ориентации на мировую революцию»⁸. А в контексте традиционной большевистской платформы это смотрелось ересью. Эта платформа увязывала построение социализма в России с победой революции в промышленно развитых странах Запада. О построении социализма в одной стране большевики до революции и не помышляли, более того, считали эти идеи вредными. Ленин, например, неоднократно упоминал Воронцова в своих работах и резко критиковал его взгляды.

Примечательно, что сам М.А. Колеров признает, что «уже к началу 1900-х гг. славянофильски-народнические надежды на то, что основой для социализма в России станет сельская община, были уничтожены научной критикой русских марксистов». Правда вот, ссылаться на «научность»

марксистской критики автору вряд ли стоило — с учетом того, что сама жизнь показала антинаучность марксистской доктрины. В дальнейшем Сталину пришлось использовать именно народнические идеи в реализации проекта «социализма в одной стране». Это касалось и возрождения крестьянской общины в сельском хозяйстве в виде колхозов, и широкой сети потребкооперации, и массового внедрения артелей в мелкую и среднюю промышленность, и развития крупной промышленности под эгидой государства. Хрущев, повернувший страну обратно к «чистому» марксизму-ленинизму, уничтожил «народнический социализм» Сталина и тем самым заложил основу будущего экономического краха СССР.

В этом контексте вполне закономерно, что М.А. Колеров испытывает сложности в обнаружении хоть каких-то намеков на «социализм в одной стране» в программных установках РСДРП(б) и позиции ее лидеров в дооктябрьский период. Пожалуй, единственная стоящая находка автора на этой стезе — это заявление члена Петросовета и Петроградского комитета РСДРП(б) Антонова на совещании ЦК, ПК РСДРП(б) и большевиков-делегатов Всероссийского Демократического совещания в Петрограде 24 сентября (7 октября) 1917 г. (с. 111). Антонов тогда заявил, что *«мы перешли с курса на мировую революцию на курс национальной революции»*⁹. Однако делать из этого высказывания, по сути, рядового партийного функционера вывод о том, что *«о национальном масштабе русской революции большевики задумались еще до Октября»*, является явным преувеличением. Наверняка в широких партийных массах высказывались разные мнения по данному вопросу, но они вовсе не составляли политическую платформу партии, которую плотно опекали вожди, придерживавшиеся твердых марксистских убеждений.

В итоге автор в поиске доказательств волей-неволей вынужден апеллировать к известной статье В.И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», где он заявил, что *«возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»*. Надо сразу же отметить, что эта статья всегда использовалась сторонниками советской официальной школы как доказательство приверженности Ленина концепции построения социализма в одной стране. Но это на самом деле не соответствует действительности. Под «победой социализма» Ленин имел в виду вовсе не построение социализма в одной стране, а победу социалистической революции в одной стране, которая затем «подтолкнет» социалистическую революцию в других странах. И это подтверждается дальнейшими действиями, выступлениями и публикациями Ленина.

Схожей позиции придерживался в дооктябрьский период и Сталин. Так, выступая на VI съезде РСДРП(б) в июле 1917 г., он заявил: *«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь»*¹⁰. Естественно, дискуссия в партии в тот момент велась о том, совершать ли социалистическую революцию или ждать революции на Западе. О построении социализма речь, понятно, вести было рановато.

Позиция Сталина по данному вопросу начала меняться уже после Октябрьского переворота, в середине января 1918 г., когда на заседании ЦК по поводу Брестского мира он высказал сомнения о возможности социалистической революции на Западе. *«Революционного движения на Западе нет, нет в наличии фактов революционного движения, а есть только потенция, ну а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию»*¹¹. Весьма показательны, что тогда Ленин, если верить Троцкому, сразу же отмежевался от такого рода поддержки. *«Революция на Западе не началась, это верно; однако если бы в силу этого мы изменили свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму»*, — подчеркнул он¹². Из этого следует, что Сталин опережал Ленина в понимании необходимости перехода к новой политике, которая бы делала ставку на собственные силы, а не на мифическую помощь западного пролетариата.

То есть именно Сталин представлял то направление мысли среди большевиков, которое больше всего соответствовало концепции построения социализма в одной стране. Возможно, именно потому, что он, в отличие от марксистов-эмигрантов, более других понимал существо народной жизни. Были ли у Сталина идейные последователи среди видных большевиков в дооктябрьский период и в первые годы советской власти, сказать сейчас трудно. По крайней мере, в публичном поле это никак не проявилось. Только после 1924 г. вокруг него начала формироваться группа единомышленников в лице Молотова, Кирова, Ворошилова, Куйбышева, Буденного, Микояна и ряда других видных членов ВКП(б).

Ну, а к 1922 г. действительно Ленин и большинство руководства РКП(б) возможность построения социализма в одной стране признали. Так, например, в выступлении на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. Ленин заявил: *«Все мы вместе, не завтра, а через несколько лет, решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»*¹³. Но вот только поддержали они ее неохотно, под воздействием обстоятельств, как вынужденную меру и временное отступление, как своего рода НЭП во внешней политике, а не как самоцель национального строительства. Их главной целью по-прежнему была мировая революция. А проект построения социализма в России они совершенно законно считали не своим, заимствованным и чуждым большевистской доктрине.

В этом же ключе следует понимать и позицию большевиков относительно государственности СССР. Попытка М.А. Колерова представить дело таким образом, что большевистское руководство стремилось к построению национальной государственности, опять-таки не получила в книге достаточного обоснования, и ссылки на позицию Сталина здесь опять не являются показательными, поскольку она была особенной в общем большевистском тренде. В конце концов, это привело к серьезному конфликту между Лениным и Сталиным по вопросу о создании СССР.

Хорошо известно, что план Сталина предусматривал создание нормального федеративного государства путем вхождения советских республик в состав

РСФСР. Возможность выхода из состава федерации не предусматривалась. Члены федерации не могли быть субъектами международного права. Единственным таким субъектом оставалась бы РСФСР, которая бы действовала в системе международных отношений на тех же принципах, что и другие государства.

План Ленина основывался на доктрине, имевшей совершенно иные теоретические корни. Речь шла не о создании государства, а о создании союза государств, «союза военного и дипломатического». Целью государства являются прежде всего внутренние задачи, а внешняя политика составляет производную от этих внутренних задач. Целью союзов, напротив, являются внешние задачи: военные, дипломатические, иногда экономические. Союз, который представлял себе Ленин, не являлся исключением. Он отводил этому новому образованию поистине великую историческую роль — стать прологом к созданию Мировой Социалистической Советской Республики. Обозначив эту цель еще в 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», Ленин не отказался от нее и в 1922 г. Именно по его настоянию данный пункт был включен в Декларацию об образовании СССР. Следовательно, конечной целью вождя была все-таки мировая революция, а не построение социализма в одной стране.

В.И. Ленина тогда поддерживало большинство Политбюро и ЦК. И.В. Сталина — лишь Дзержинский и Орджоникидзе. Поэтому представлять сталинскую позицию в качестве позиции всей большевистской партии не является обоснованным. И если бы Ленин в тот момент не находился в парализованном состоянии после инсульта, то судьба Сталина могла бы сложиться по-другому, и вся история нашей страны могла бы пойти иным путем. Заслуга Сталина состоит как раз в том, что он повернул страну в правильном направлении — от интернационального большевизма к национально-государственному социализму. Более того, этот поворот, на мой взгляд, привел к принципиальным изменениям в существо самой большевистской доктрины. Она утратила ключевые атрибуты марксизма и превратилась в нечто более похожее на народническую доктрину «русского социализма».

Но задача, стоявшая перед Сталиным, была совсем не простой. Соппротивление его политике в руководстве ВКП(б) было сильным. Другие видные большевики пошли за Сталиным по той простой причине, что никакой другой разумной альтернативы его политике в тот момент не было. Тем более что она вполне импонировала большинству населения страны, уставшего от военных тягот с 1914 г. Однако наиболее активные большевики, вроде Зиновьева и Каменева, старались всячески сократить период «временного отступления», отстаивая курс на подталкивание мировой революции. Другие были готовы просто ждать лучших времен. Однако и они не стремились активно вкладываться в социалистическое строительство на российской земле, подходили к этой задаче формально-бюрократически, без энергии и энтузиазма. По существу, проект реализовывался людьми, настроенными на другую идеологическую волну, теми, кому он не был ни близок, ни интересен.

Отсюда — те многочисленные эксцессы, с которыми была связана индустриализация страны и особенно коллективизация русской деревни. Варварские методы коллективизации, безразличие к нуждам и интересам трудового крестьянства привели к массовому голоду и повышенной смертности, в основном, русского и украинского населения СССР. Видимо, последствия коллективизации послужили своеобразным толчком к пониманию Сталиным того простого факта, что строить социализм со старой большевистской гвардией означает заведомый крах проекта. И это побудило его к осуществлению масштабной чистки элиты путем репрессий 1934–1937 гг. Со старой большевистской элитой поражение СССР в Великой Отечественной войне, на мой взгляд, стало бы неизбежным.

События тех времен, несмотря на прошедшие годы, сохраняют особую актуальность для нынешней России, модернизация которой тормозится экономической элитой, пришедшей к власти в ельцинские времена. Аналогии с событиями 30-х гг. прошлого века, при всем различии эпох, технологического уклада и предпочтительных политических методов, напрашиваются сами собой. Поэтому обсуждение темы сталинского наследия имеет немалое значение для будущего развития России. И книга М.А. Колерова вносит полезный вклад в эту дискуссию не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

¹ См.: Колеров М. А. Европейские предпосылки сталинизма: индустриализация, биополитика и тотальная война // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / составитель В. Б. Каширин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 610–711; Он же. От Фихте и Витте к Сталину: «изолированное государство», протекционизм и «социализм в одной стране» // Родина. 2015. № 2. С. 108–110; Он же. Большой стиль Сталина: Gesamtkunstwerk als Indestriepalast // Логос. Т. 25. М., 2015. № 5. С. 1–32.

² Подробнее см.: Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. М.: Универсум Паблишинг, 1995. С. 1–4.

³ См.: Murphy J.T. Stalin. London: John Lane, 1945; Randall F.B. Stalin's Russia. N.Y.: The Free Press, 1965; Lewis J., Whitehead Ph. Stalin: A Time for Judgement. London: Methuen, 1990; Jonge Alex de. Stalin and the Shaping of the Soviet Union. Glasgow: Fontana, 1987; Conquest R. Stalin. N.Y.: Viking, 1991.

⁴ См.: Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. М.: Универсум Паблишинг, 1995. 138 с.

⁵ См.: Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

⁶ Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное / под общей редакцией М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М., 2014. С. 110–111.

⁷ Воронцов В. Судьбы капитализма в России // Народническая экономическая литература. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 426–427.

⁸ Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition (1926–1927) / Ed.: N. Allen and G. Saunders. New York: Pathfinder Press, 1980. P. 374.

⁹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / подгот. Т. А. Абросимова, Т. П. Бондаревская, Е. Т. Лейкина, В. Ю. Черняев. СПб., 2003. С. 473.

- ¹⁰ *Сталин И.В.* Выступления на VI съезде РСДРП (большевиков) 26 июля — 3 августа 1917 г.: Возражение Преображенскому по вопросу о 9-м пункте резолюции «О политическом положении» 3 августа // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 3. С. 186-187.
- ¹¹ *Сталин И.В.* Выступление на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) по вопросу о мире с немцами 11 января 1918 г. (Краткая протокольная запись) // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. С. 27.
- ¹² *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. Бенсон (Вермонт): Чалидзе Пабликэйшнс, 1985. С. 15-16.
- ¹³ *Ленин В.И.* Сочинения. 5-е изд. Т. 45. С. 309.

Михаил Александров рец. на Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма

АЛЕКСАНДРОВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ — доктор политических наук, ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО(У) (ellab@list.ru). Россия.